

названием «*Considération sur l'état de la Russie sous Pierre le Grand*», приписывавшихся одно время перу прусского наследного принца и помещенных поэтому в берлинское посмертное издание произведений Фридриха II (1791), была напечатана сначала в трудах Майнцской Академии наук и литературы). См. об этом сюжете также статью д-ра П. Брюне (*Brüne P. Johann Gotthilf Vockerodts Einfluß auf das Rußlandbild Voltaires und Friedrichs II // Zeitschrift für Slawistik*. 1994. Bd 39. N 3. S. 393–404), которая легла в основу его выступления на московском коллоквиуме «Русские и немцы: Встреча двух культур» (1996).

²⁰ *Фоккеродт И. Г.* Россия при Петре Великом / Публ. Э. Германа // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1874. Кн. 2. С. 1–120; См.: *Брикнер А. Г.* 1) Современные известия по истории России // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. № 1. С. 167–223; 2) Заметка о Фоккеродте // Древняя и новая Россия. 1875. № 11. С. 269–275.

²¹ См. отчасти по этому поводу письмо Ф. Д. Бехтеева М. Л. Воронцову от 28 апреля 1757 г. // Архив князя Воронцова. М., 1871. Кн. 3. С. 266 и далее, в том числе особенно письмо Ф. П. Веселовского Вольтеру от 16 февраля и ответное письмо Вольтера от 19 февраля 1757 г. (Там же. С. 268–270).

²² *Voltaire. Correspondance*. Paris, 1978. Т. 4. № 4704.

²³ *Заборов П. П.* Вольтер в русских переводах XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 117.

²⁴ *Мезин С. А.* Взгляд из Европы. С. 71.

²⁵ *Voltaire. Correspondance*. Paris, 1980. Т. 5. № 5449.

²⁶ См.: «Примечания» М. В. Ломоносова (на рукопись «Истории российской империи при Петре Великом» Вольтера, 1757 г.) // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 91–96.

²⁷ *Шмуцло Е. Ф.* Вольтер и его книга о Петре Великом. С. 249.

И. П. Медведев

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ОЛЕНИН КАК ВИЗАНТИНИСТ

Казалось бы, трудно добавить что-либо новое к портрету столь знаменитой личности, как Алексей Николаевич Оленин (1764–1843), и тем не менее — загадок хватает. Видный государственный чиновник, он прежде всего проявил себя как выдающийся деятель русской культуры, занимая посты директора Императорской Публичной библиотеки и президента Императорской Академии художеств, «знакомством, дружбой и родством» будучи связан со многими знаменитыми писателями, архитекторами, художниками, учеными, актерами, музыкантами, будущими декабристами; являясь, наконец, создателем (на базе своей семейной усадьбы Приютино) уникального по своему составу и долговременности функционирования «кружка», а вернее — интеллектуального содружества; причем легче, наверное, перечислить тех из современных знаменитостей, кто к нему не принадлежал.¹

Нас же в данном случае интересует еще одна «ипостась» А. Н. Оленина — его страстная увлеченность античностью и славяно-русскими древностями, в изучении которых он демонстрирует свои лучшие (фактически вполне профессиональные) качества ученого-исследователя, стремившегося в любом случае к использованию и взаимопроверке разнородных источников, к критическому изучению и изданию документов, к строго научной аргументации в выводах. Занимая весьма важное место в истории

отечественной археологии, и в частности «бытовой» археологии классического мира (с особой тщательностью он изучал историю античного костюма и предметов вооружения по произведениям вазописи, скульптуры, глиптики, вполне закономерно выступив своеобразным научным консультантом Н. И. Гнедича при переводе «Илиады» Гомера);² А. Н. Оленин, как оказывается, не остался в стороне и от византиноведческих штудий — факт жизни Оленина, практически неизвестный как его биографам, так и всем исследователям прославленной «петербургской школы византиноведения».³

Да и мог ли быть в стороне от них такой человек, как А. Н. Оленин, когда в его время в научных кругах Петербурга возникла подлинная эйфория в связи с первоизданием в Париже — по поручению и на средства русского канцлера графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826) — «Истории» одного из крупнейших византийских писателей X в. Льва Диакона, ценнейшего источника не только по истории Византийской империи, но и Болгарии и Древней Руси, содержащего, в частности, уникальные сведения о балканских войнах киевского великого князя Святослава Игоревича в 968–971 гг. и о нем самом.⁴ Именно А. Н. Оленину доверил Н. П. Румянцев связаться с парижским эллинистом (немцем по происхождению) Карлом Бенедиктом Газе (1780–1864), открывшим рукопись с текстом сочинения Льва Диакона, на предмет того, чтобы «приобрести за деньги простую копию греческого текста с правом напечатать ее здесь (т. е. в Петербурге. — *И. М.*) в сопровождении русского перевода»,⁵ что А. Н. Оленин и постарался сделать как при посредстве академика Филиппа Ивановича Круга, так и через своего двоюродного брата князя Сергея Григорьевича Волконского (будущего декабриста), находившегося в 1813–1814 гг. во Франции в рядах русского оккупационного корпуса.⁶ Когда же Газе отказался передать права на издание Петербургу и было условлено, что издание будет осуществляться в Париже на русские деньги (труд вышел в свет в 1819 г.), то А. Н. Оленин (по согласованию с Н. П. Румянцевым) высказал идею об осуществлении в Петербурге русского перевода византийского историка как неотъемлемой части француско-русского научного проекта по первому изданию «Истории» Льва Диакона и предложил кандидатуру переводчика — петербургского филолога-эллиниста и сотрудника Публичной библиотеки Дмитрия Прокопьевича Попова (перевод, начавшийся до выхода в свет парижского оригинала по корректурным листам, появился уже в 1820 г., причем финансирование также осуществлялось за счет средств Н. П. Румянцева).⁷

О том, что А. Н. Оленин проявлял жгучий интерес к осуществлявшемуся изданию памятника (очень возможно, что он испытывал некоторую ревность к Н. П. Румянцеву, несомненно игравшему «первую скрипку» в этом деле, и в какой-то момент сделал даже попытку перехватить инициативу), говорит тот факт, что он, не дожидаясь выхода в свет оригинала и его перевода на русский язык и пользуясь предварительной публикацией «русских» фрагментов из него,⁸ решил первым «снять сливки» хотя бы в том, что касалось «облика или портрета» самого Святослава, и опубликовал еще в 1814 г. весьма скромную и, я бы даже сказал, «затрапезную» брошюрку в 14 страничек.⁹ «Сей любопытный отрывок, относящийся к древней российской истории, был уже напечатан в II нумере „Сына Отечества“ на 1814 год, — пишет в ней А. Н. Оленин. — Но как перевод с греческого был слишком скоро сделан и в нем замечены некоторые недостатки против буквального смысла подлинника, то ныне, пересмотрев оный с помощью любителей словесности, знающих греческий язык,¹⁰ а именно: г.г. Грефе и Уварова,¹¹ я спешу вновь издать сей отрывок в особых от журнала листках».¹² «Драгоценный отрывок

византийских деписаний Льва Дьякона Калознского с 959 по 975 год от Р. Хр., — продолжает Оленин в «Предуведомлении» к брошюре, — находится еще рукописным в Парижской публичной библиотеке. Г-н Газе, служащий при оной и занимающийся описанием имеющихся в сей библиотеке рукописей, намеревался издать в свет „Историю”, писанную Львом Дьяконом, и, поправя текст, готовился приступить к напечатанию оно-го с латинским переводом, но, к сожалению, другие занятия отвлекли его от сего полезного для русской (sic!) истории намерения.¹³ А потому г-н Газе довольствовался ныне изданием краткого только известия о сочинении Льва Дьякона, с приложением к оному VI книги его „Истории”.¹⁴ Из сего известия выписан для любопытствующих прилагаемый при сем на греческом языке облик или портрет великого князя Святослава Игоревича с буквальным, так сказать, переводом оно-го на русской (sic!) язык и с некоторыми примечаниями». ¹⁵

Разумеется, выход в свет «русского Льва Диакона»¹⁶ был встречен А. Н. Олениным с подлинным энтузиазмом, как раз и явившись своеобразным катализатором его византиноведческих штудий.¹⁷ Получив в подарок от своего «протезе» (переводчика Льва Диакона на русский язык) Д. П. Попова экземпляр «русского Льва Диакона»,¹⁸ А. Н. Оленин пишет ему в ответ весьма развернутое и содержательное письмо (цитируется по черновику): «Экземпляр перевода Вашего Истории Льва Диакона, которым Вы меня почтили, доставил мне много удовольствия. Вы порадовали меня книгою, которую давно желательно было видеть на русском языке, и вместе с тем Вы подали мне новый способ заняться самым приятнейшим для меня делом, а именно: археологическими исследованиями и в особенности о древней России (добавлю: и о древней Византии. — И. М.). Наконец, она же открыла мне средство употребить в пользу давно мною заготовленное приложение к собранию разных сведений о великом князе Святославе Игоревиче. Побужденный Вашим трудом, я решился приложить к нему и собственный мой труд, сколько мне позволит малый досуг и весьма слабое мое знание греческого языка. Работу мою расположил я под названием „Примечания на некоторые места в истории Льва Диакона”. К ним я старался присоединить ясные доказательства моим заключениям посредством выписок и ссылок на других писателей, а более еще того, верными изображениями памятников искусства тех самых времен, относящихся к предметам моих примечаний; для этого я рассудил поместить, между сими последними, приготовленные мною еще в 1813 году три гравированные доски. На них изображен Святослав по описанию Льва Диакона и найденный в днепровских порогах (уповательно в том месте, где Святослав был убит печенегами) церковный старинный греческий сосуд, наполненный монетами императора Никифора Фоки и Иоанна Цимиския, с изложенным древним медным ключом. Памятники, современные Святославу, изображены на тех досках с самою тщательною точностью <...>». ¹⁹

Действительно, в личном архиве А. Н. Оленина до сих пор хранится рукопись указанной в письме работы, причем даже в двух вариантах — в первоначальном, с заглавием «Археологические и технические примечания к Истории Льва Диакона»,²⁰ и в переработанном и дополненном (автограф А. Н. Оленина), датированном 1821 г., с заглавием «Примечания к Истории Льва Диакона, перебеленные и исправленные». ²¹ И хотя этот неопубликованный труд (его, вопреки скромному названию «Примечания» и исходя из содержания, следовало бы озаглавить «История Льва Диакона как исторический источник») остался незавершенным (как по количеству указанных в предисловии

сюжетов, подлежащих рассмотрению, так и по лишь частичному оформлению обозначенных автором звездочками по всему тексту сносок, да и вообще по недоведению до «кондиции» всего текста), он по своему содержанию несомненно заслуживает того, чтобы его изучить и оценить, а, может быть, в будущем и опубликовать.²²

Изложив во «Вступлении» все уже известные нам обстоятельства появления парижского издания Льва Диакона и его петербургского перевода на русский язык, Оленин формулирует свою задачу в следующих выражениях:²³ «Перечитывая полезный труд г-на Попова (т. е. его перевод. — *И. М.*), изданный по недостатку времени без всяких замечаний, я просматривал притом и самый подлинник.²⁴ При сей поверке мне показалось, что многие места во Льве Диаконе достойны прилежного исследования; что сравнение сличенного им с тем, что о таковых предметах говорено в других византийских сочинениях, а равным образом и в некоторых восточных и европейских писателях, открывает новые и верные доводы по части археологии и техники тех времен. Но в особенности я желал исследовать некоторые установления, обычаи или обряды византийских греков, чтоб сравнить их с таковыми же бывшими тогда в употреблении у славянороссов, о коих Лев Диакон отчасти упоминает. Я полагал, что сие исследование может послужить к лучшему познанию степени просвещения и образованности современных тогда греков и русских, а следственно покажет и причины преимущества первых над последними: в войне — искусством и урядством в ратном деле, а в мире — познаниями и просвещением, оставшимися у византийцев от древних еще греков. На сем основании я поспешил положить на бумагу некоторые примечания мои по сим предметам и решился представить оные ученому совету в том самом виде, в каком недостаток мой во многих нужных к тому познаниях и недосуг по службе позволили мне оные изложить. Повод к столь смелой с моей стороны решимости основан на искреннем желании возбудить истинно ученых людей к дальнейшим основательнейшим изысканиям. <...> Примечания мои будут касаться до следующих предметов: 1) О морской византийской силе; 2) О морской русской силе; 3) О греческом огне; 4) О сухопутном византийском войске; 5) О сухопутном русском войске; 6) О некоторых византийских обычаях; 7) О некоторых особенных греческих выражениях; 8) О некоторых русских обычаях; 9) О великом князе Святославе Игоревиче; 10) О смерти Игоревой; 11) О миссиях или болгарах; 12) О некоторых обычаях у агарян или аравитян; 13) О некоторых обычаях падинаков или печенегов; 14) О императоре Иоанне Цимискии; 15) О местоположении Переяславля Задунайского. Вот все, что мне, собственно, показалось любопытнейшего к исследованию во Льве Диаконе. Определяя здесь число сих предметов, я однакож не обяжусь выполнять весь круг предположенной мною работы, но буду писать по сему порядку, сколько мои способы и свободное время мне то позволят» (л. 1–8 об.).

Так, в сущности, и получилось. Лишь три первых пункта начертанной Олениным программы достаточно основательно освещены в его труде, до остальных пунктов, видимо, так и «не дошли руки». Тщательному рассмотрению подвергнуты данные Льва Диакона о типах военных судов византийцев, особенно «огненосных» судов, их устройство, оснащение, функционирование, наименования (триеры, дромоны, катергоны, «левмы» — лодьи, «акатии» — челноки и т. д.), причем все это в сопоставлении с данными такого крупного и, пожалуй, главного памятника византийской «полюмологии», как «Тактика» Льва VI Премудрого (используется Олениным в первом издании Меурсия, 1612 г.); приняты во внимание и другие византийские источники, в частности,

«ненапечатанный еще Георгий Амартол»,²⁵ Константин Багрянородный, Иоанн Зонара (в парижском издании Дюканжа), хроника Феофана (цитируется по сочинению Дюканжа «Histoire de St. Louis» (Paris, 1668)), хроника Константина Манасси (в венецианском издании 1729 г.) и т. д.

«Византийский флот, — пишет А. Н. Оленин, — тогда (т. е. в X в. — *И. М.*) был составлен, как и в наши времена составляется морская сила, а именно: из больших и малых военных гребных судов, олькадами, дромонами, галейми и монериями называемых, вроде нынешних наших галер. Первые из сих судов были вооружены орудиями для бросания греческого огня. Сверх того, для снарядов и тяжестей были также большие грузовые суда, как-то: те же олькады, да еще фортиги, иппагоги и порфми (перевозные) <...> Наконец, византийские флоты имели легкие боевые лодки (следует вычеркнутое: И тяжелые транспортные или грузовые суда. — *И. М.*), между коими находились род нынешних „брандеров” или зажигательных судов, известных византийцам под именем каккаволурфорос. Из всего здесь сказанного можно заключить, какое превосходство сей флот долженствовал иметь над нашею морскою тогда силою, хотя и составленною из великого числа судов, но все вообще самого малого рода, а именно: из „однокряжных” лодок (вместо вычеркнутого: однодревных челнов. — *И. М.*), которые по сей самой причине греками и назывались μονοξύλοι («однодревки» или «однокряжки»)» (л. 25 об.–26 об.).

Уделив особое внимание устройству дромонов, количеству «ярусов» (палуб), расположению скамей (понятие «банки» чуждо Оленину) и гребцов на них, а также «ратников», кормчих и т. д., автор констатирует, что у Льва Диакона «никаких подробностей по сим предметам не имеется» (л. 26 об.) и полностью сосредоточивается на данных «Тактики» Льва Премудрого; им переведены и прокомментированы несколько пространных параграфов XIX главы памятника, которые, по мнению Оленина, «буквально, сколько можно, переведенные с греческого подлинника, так ясно определяют расположение ярусов, в которых были помещены гребцы в два ряда от воды, один над другим, что никакого дальнейшего объяснения не требуют» (л. 29–29 об.). То же самое наблюдается в следующем разделе, который озаглавлен «О способах к нападению и к защите, и о морских движениях или эволюциях» (л. 31 об.), т. е. о морских маневрах и о боевом порядке судов при нападении на неприятеля и при защитных действиях.

Демонстрируя весьма утонченную интерпретацию греческого источника, Оленин в одном месте убедительно исправляет латинский перевод Меурсия²⁶ («Я это для того только здесь упоминаю, — смущенно оправдывается он, — чтоб читателей склонить на большее снисхождение к собственным нашим ошибкам. Если столь великие филологи так сильно погрешают, то нам, мало знающим, и грубейшие ошибки простительны»); в другом месте сведения Льва Премудрого о наступлении кораблей «прямо фрунтом» он сравнивает с «искусной и смелой маневрой» Лукуллова кормщика Дамагораса из Плутарха, ссылаясь на устную подсказку «нынешнего нашего генерального консула в Смирне г-на Дестуниса, занимавшегося тогда переводом Плутарха на русский язык»,²⁷ но присовокупляя при этом свой собственный «буквальный» перевод²⁸ соответствующего фрагмента (гл. III) из жизнеописания Лукулла (л. 38 об.–40).²⁹

Переходя к вопросу о «морской русской силе в IX–XI вв.», А. Н. Оленин сразу же констатирует, что «предки наши, несмотря на все опасности пускаться в море, просто сказать, на больших корытах или челнах, неоднократно приходили на них под самые

стены Царя града и заставляли трепетать разнеженных византийцев, несмотря на благоустроенные их сухопутные и морские силы и на страшный их тогда греческий огонь» (л. 43 об.). В качестве источников по этой теме в работе используются, помимо Льва Диакона, «Несторова летопись» (т. е. Повесть временных лет по списку Императорской Публичной библиотеки конца XV в., приобретенному от П. К. Фролова) и «славянорусский» Георгий Амартол. По-видимому, у Оленина еще не сложилось представления о Георгии Амартоле как основном первоисточнике «нашего преподобного Нестора», хотя от А. И. Ермолаева ему известна знаковая фраза Нестора «глаголет Георгий в летописании», в связи с чем А. Н. Оленин замечает: «Пытливый в сем случае дух г-на Ермолаева был совершенно оправдан, ибо он в сей рукописи нашел то же самое место, которое после означенных слов Нестор из сочинения сего Георгия выписывает», после чего следует вычеркнутое: «Таким образом, убедившись в сем предположении, оставалось узнать, к какому из византийских писателей, именуемых Георгиями, сей хронограф мог принадлежать: звание и эпитет, им принятый, скоро его открыли» (л. 16 об.–17). Далее цитируются византийский историк XI в. Георгий Кедрин (как по парижскому изданию 1647 г., так и по венецианскому 1729 г.), Иоанн Зонара, Лиутпранд (по Карамзину), никоновская летопись, Слово о полку Игореве, Русская Правда и т. д., но, пожалуй, основное внимание уделено знаменитому пассажиру из 9-й главы «De administrando imperio» Константина Порфиrogenета (в издании Меурсия 1611 г.) о «росах», прибывавших на своих моносилах из «внешней России» в Константинополь (т. е. по «пути из варяг в греки») (л. 46 об.–52).

«Русские того времени, — пишет А. Н. Оленин, — те именно, которые в договорах своих с греками сами себя называют „Мы от рода рускаго” или „варязи, русь”, как именует их Нестор, составляли тогда особой совсем народ от новгородцев и других славян, прозванных потом уже русскими. Но сей народ, собственно, принадлежал готфским или скандинавским племенам, известным под общим именем „варягов”. Сие доказывается именами их князей и вельмож, сохранившихся в договорах Олега и Игоря с греками, разностью между русских и славянских имен (sic!), данных порогам днепровским, по словам Константина Порфиrogenета,³⁰ некоторыми их жестокими обычаями и поверием, упоминаемыми Львом Диаконом и арабским писателем Якутом, по словам современника Игорю и Святославу аравитянина Ибна Фоцлана.³¹ Сии то русские варяги (!) по старой привычке разезжать по Балтийскому или варяжскому морю и другим северным, западным и даже средиземным морям под именем норманов, спускались по Днепру в Черное море для торговли и для войны с византийцами. Равным образом, ходили они и по Волге и даже в Каспийское море с тем же намерением к живущим там народам» (л. 51–52).

Следует отметить, что идентификация и интерпретация Олениным топонимов русских городов, если не ошибаюсь, вполне соответствуют данным новейшей историографии. А дальше — снова возврат к «настоящему нашему предмету — к русским водородным судам» (л. 58), к кораблям, скедиям, лодьям, «ключам» и «уключинам», к двум сменам гребцов (одни гребут, другие отдыхают) и т. д. «Соображая, — говорит он, — все сии места в греческих, русских и восточных писателях можно несомненно заключить, что русские в IX, X и XI веке других водородных судов не имели, кроме однокряжных (вместо вычеркнутого: однодревных. — И. М.) больших лодок, в то время как лодьями и кораблями именуемых или лучше сказать, огромных челн (sic!) с набитыми

по краям бортами. Сии челны ныне в Малороссии дубами называются, а в великой России и в Сибири насадами, набойницами или набойными лодками» (л. 60 об.). На этих-то «простых открытых челнах, — еще раз констатирует он, — (наши предки) нетрепетно вступали в бой с огромными византийскими дромонами, вооруженными страшным греческим огнем. Так точно, как в новейшие времена флибустьеры на лодках своих сражались и одолевали большими кораблями. Равным образом, в XVII и XVIII столетиях потомки, может быть, тех же самых славяно-россов, под именем запорожцев (sic!), часто ходили на таких же точно утлых челнах, „дубами” называемых, устрашать и разорять берега Черного моря! Итак, „что было, тожде есть еже будет <...> и ничтоже ново под солнцем”» (л. 63 об.—64).

Отметив, что русские «ходили по морю не токмо на гребле, но и на парусах» (собранный интересный материал, см. л. 64 об.), А. Н. Оленин в то же время самым решительным образом отверг представление о том, что русским мог быть известен состав греческого огня (более того, что они им пользовались), впервые неопровержимо доказав, что такое представление основывалось на ошибке в латинском переводе Карлом Бенедиктом Газе соответствующего пассажа из кн. VI, § 10 «Истории» Льва Диакона.³² «Просматривая прилежно сие прекрасное издание, — пишет Оленин, — которое столь много чести делает знаниям и трудам издателя и тому русскому вельможе, который столь деятельно способствовал к скорейшему исполнению похвального и полезного предприятия г-на Газе; просматривая, говорю я, сию любопытную книгу для истории русской (sic!), я нечаянно нашел в приложенном к ней „Указателе предметов, имен и речений в Истории Льва Диакона” под словом πυρφοροι τριηρεις сказано: Πυρφοροι naves in classe Russorum 65 В («огненосные суда во флоте русских», смотр. 65 стр. В подлинника), а под словом Russi то же самое упомянуто сими словами: in Russorum classe naves igniferae 65 В («во флоте русских суда огненосные», смотр. там же, стр. 65 В). По сему указанию я тотчас отыскал надлежащее место в подлиннике, которое, впрочем, меня и прежде уже заставило искать объяснения оному в приложенных г-м Газе общих филологических и исторических замечаниях к Истории Льва Диакона и других при том изданных им византийцев (sic!). Но в сих замечаниях я ничего не мог найти касательно того речения, которого перевод на латинский язык дал повод к заключению, что русские имели огненосные суда в своих лодейных флотах, так точно, как у греков тогдашнего времени, — обстоятельство, которое бы, конечно, было новое и важнейшее для нашей истории! Сие самое побудило меня обратить прилежнейшее внимание на то место в самом подлиннике Льва Диакона, которое в латинском переводе открывало нам вовсе неизвестное доселе обстоятельство» (л. 69 об.—71).

Опуская здесь следующее затем целое исследование Олениным указанного выше отрывка из Истории Льва Диакона (см. л. 71 об.—82 об.),³³ отмечу лишь приведенное им в качестве доказательства его тезиса о неупотреблении русскими греческого огня положение о том, что все, относящееся к проблеме греческого огня, составляло у византийцев предмет государственной тайны. «Приготовление и употребление оногo, — пишет А. Н. Оленин, — сохранялось в величайшей у них тайне, под опасением смертной и даже душевной казни, как то явствует из следующего официального, можно назвать, предписания Константина Порфирогенета, современника великого князя Святослава Игоревича. Сей император в наставлениях сыну своему о управлении империею, в XII главе (в новейшем издании — в XIII главе. — И. М.) сего сочинения

(«О соседствующих с турками народах»), исчисляя предметы, в которых должно им отказывать, еслиб они что-либо у оных стали себе просить, говорит, между прочим, следующее», и далее идет собственный перевод Олениным данного знаменитого отрывка из XIII главы «De administrando imperio» Константина Багрянородного — перевод, вполне профессиональный и лишь своей ярко выраженной стилистикой отличающийся от новейшего перевода памятника на русский язык (л. 76 об.—79 об.).³⁴

Наконец, последний и весьма внушительный раздел из того, что Оленину удалось оформить в своем труде, целиком посвящен разгадке самого этого явления — «греческого огня».³⁵ Увлеченность, с которой он пытается разобраться в сложном и противоречивом материале византийских, арабских, русских и старофранцузских источников, станет понятной, если вспомнить, что сам А. Н. Оленин был выпускником Дрезденского артиллерийского училища и носил звание капитана от артиллерии. В сущности, именно позиция артиллериста здесь оказалась, по-видимому, определяющей: ведь для Оленина «греческий огонь» — не что иное, как огонь артиллерии, с использованием пороха, пушек с медными стволами — сифонами, ядрами и т. д. Об этом говорят, по его мнению, наподобие «ономагопеи», те слова источников, которые «созвучны самому действию» (стук, гром, взрывы, будившие, по словам Жуанвиля, по ночам Людовика Святого, находившегося на достаточном расстоянии от поля боя крестоносцев с сарацинами; пламя, «яко молния», по Нестору; глагол «пущать» того же Нестора, обозначающий, по мнению Оленина, действие пушки; и т. д.). Серьезным препятствием к такому толкованию было, конечно, одно из определений греческого огня как «жидкого» (υῦρον) или, как предпочитает переводить этот эпитет Оленин, «влажного», но он выходит из положения, предлагая (не знаю, насколько убедительно) видеть в этом определении «не свойство, а место» применения огня, т. е. морскую стихию, доказывая это отсутствием в текстах, описывающих действие огня, глаголов со значением «лить» и, напротив, употреблением глаголов со значением выбрасывания некоего сухого вещества, которое, по его мнению, обладает каким-то сходством именно с порохом (л. 85–87, 115 об., 140 об.). «Мне кажется, вспоминая старую мою артиллерийскую службу, — говорит А. Н. Оленин по поводу одного из таких случаев применения греческого огня, — что по законам баллистики и механики весьма бы трудно было произвести другим каким-либо орудием, кроме некоторого рода мартиры» (л. 122).³⁶

Во всяком случае А. Н. Оленин считает (и мы в данном случае имеем все основания прислушаться к нему), что ничего чудесного в греческом огне, вопреки некоторым средневековым авторам, не было. «Как лучшие византийские деесписатели, — говорит он, — так и русские летописцы, а равно и очевидные свидетели действия греческого огня и даже действующие притом лица (sic!), как-то Сир де Жуанвиль, ни слова не говорят о каких-либо чудесных свойствах сего составного огня, кроме того, что, по словам Льва Диакона, он мог даже и камни превращать в пепел. Напротив сего, некоторые европейские писатели много об нем чудес рассказывают и главнейше, что был не угасаем простыми средствами» (л. 123). «Греческий огонь, — заключает Оленин, — по-видимому, когда об нем писали без преувеличения, жег то, что и простой огонь может сжигать; если же он железо и камень превращал в пепел, то и на это можно согласиться, ибо строение каменное, на котором стропилы, потолки, полы и рамы деревянные, и оконные и даже лестницы будут деревянные, при дружном и сильном пожаре превращаются в пепел, ибо камни пережигаются в известку или в дресву. Я сам был здесь очевидцем,

когда горели на Васильевском острове каменные лавки Андреевского рынка, что листы железной ее крышки от чрезвычайного пыла текли, как расплавленный чугун. Хотя, впрочем, причиною сего пожара был простой, а не греческий огонь. Итак, я заключаю, — говорит А. Н. Оленин, — что все невероятные рассказы о сем составном огне произошли, по русской пословице, от того только, что „у страха глаза велики“, и в самом деле, мало ли что могло чудесного показаться в сем огненном составе, если другого не было способа от него избавиться, по совету г-на Готьера дю Корелля, доброго рыцаря, как только тем, что на землю лечь лежа и творить молитву» (л. 131 об.—133).

Предоставляя специалистам в области византийской «полюмологии» право решать, насколько убедительными, с их точки зрения, были высказанные А. Н. Олениным взгляды, хотелось бы напоследок указать еще на один документ, в котором интересы Оленина-византиниста сформулированы достаточно отчетливо — его письмо к Д. И. Языкову от 9 января 1837 г.³⁷ Одобрив разработанный Российской Академией во главе с ее президентом Александром Семеновичем Шишковым «византийский проект», предусматривавший перевод трудов византийских историков и хронистов на русский язык,³⁸ и охотно согласившись принять в нем участие, Оленин напомнил, что «имел счастье положить первый, смею сказать, опыт, предложив в 1820-м году библиотекарю Императорской Публичной библиотеки, бывшему экстраординарным профессором греческого и латинского языков при С.-Петербургском университете, г. статскому советнику Попову перевести с греческого языка историю Льва Диякона Калойского» (излагаются все уже известные нам обстоятельства этого издания). «В этом виде я бы желал, — продолжает Оленин, — чтобы и прочие византийские писатели были переведены и напечатаны, буде можно, с греческим текстом. К сим *ria desideria* я присовокупляю еще одно, состоящее в том, чтобы знающие греческой древней (*sic!*) язык, которым важное дело перевода на русский язык византийских авторов будет поручено, изучились бы предварительно не токмо греческому византийскому наречию, чтоб ясно, сколько можно, понимать византийских писателей <...> Я здесь осмеливаюсь повторить, что без знания греческого византийского и нынешнего наречия нет возможности верно перевести сочинения византийских авторов», — мнение, к которому трудно не «присовокупить» и наше собственное.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом: *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина. Л., 1983; *Голубева О. Д.* А. Н. Оленин. СПб., 1997; см. также литературу, указанную в последующих примечаниях.

² Подробнее об этом см.: *Тункина И. В.* 1) Оленин и древности Южной России // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историкографические очерки. СПб., 1995. С. 18–28; 2) Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002 (см. Имен. указ.: Оленин А. Н.);

Жабрева А. Э. «Страстный любитель точности в костюмах»: Штрихи к творческому портрету А. Н. Оленина // Российская Национальная библиотека и отечественная художественная культура: Сб. статей и публикаций. СПб., 2002. Вып. 2. С. 127–151.

³ В частности, имя А. Н. Оленина блестяще отсутствует и в замечательном во всех прочих отношениях очерке нашего дорогого юбиляра. См.: *Цамутали А. Н.* Петербургская школа византиноведения // ВИД. 1991. Вып. 23. С. 5–19.

⁴ Подробно об этом см.: *Медведев И. П.* Новые данные по истории первого издания Льва Диакона // *Византийский временник*. 2002. Т. 61 (86). С. 5–23.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Подробно об этом см.: *Медведев И. П.* К истории первого русского перевода Льва Диакона // *ΑΝΤΙΔΩΡΟΝ: К 75-летию акад. РАН Г. Г. Литаврина*. СПб., 2003. С. 86–98.

⁸ *Notices et Extraits de manuscrits de la Bibliothèque Impériale et autres bibliothèques*. 1810. Т. 8. P. 254–296.

⁹ *Оленин А. Н.* Облик или портрет великого князя Святослава Игоревича, писанный современником его, византийским историком Львом Дьяконом, по словам очевидца. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера. 1814. 14 с.

¹⁰ Сам А. Н. Оленин, если верить О. Д. Голубевой, приступил к изучению греческого, «когда ему было за сорок», т. е. приблизительно в начале XIX в. (*Голубева О. Д.* А. Н. Оленин. С. 143). По своему опыту работы с текстами, вышедшими из-под пера Оленина, могу сказать, что отменным знатоком греческого его назвать, конечно, нельзя, но в то же время владение им у него было, на мой взгляд, вполне приличным.

¹¹ Имеются в виду: Федор Богданович (Христиан-Фридрих) Грефе (1780–1851), профессор Петербургского университета по кафедре греческой словесности, будущий академик; его ученик граф Сергей Семенович Уваров (1786–1855), будущий президент Академии наук.

¹² *Оленин А. Н.* Облик или портрет... С. 1.

¹³ Внизу страницы к этому месту А. Н. Оленин делает следующее примечание: «Его Сиятельство Государственный Канцлер граф Николай Петрович Румянцов, ревностно усердствуя успехами отечественной нашей истории, выписывает из Парижа на свое иждивение точную копию с сей рукописи, дабы оную здесь издать в свет с верным руским (sic!) переводом. Ответа из Парижа еще не получено». Следует отметить, что главной причиной невозможности для Газе издать труд Льва Диакона были не его «занятия», а отсутствие у него средств.

¹⁴ Внизу следует примечание Оленина: «В скором времени сия VI книга будет напе-

чатана на греческом языке с буквальными переводами, латинским и руским (sic!), и некоторыми примечаниями».

¹⁵ *Оленин А. Н.* Облик или портрет... С. 2–3.

¹⁶ История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей, изданные в первый раз с рукописей Корол. парижской библиотеки и объясненные примечаниями Карлом Бенедиктом Газе, профессором новейших восточных языков в особенном Корол. училище, агентом по части греческих и латинских рукописей в вышеозначенной Библиотеке, членом Берлинской Академии наук и проч., ордена Св. Владимира 4-й ст. кавалером / Переведенные с греческого на российский язык Д. Поповым. В Санкт-Петербурге, печатано при Императорской Академии наук. [СПб.], 1820.

¹⁷ Было бы интересно узнать, обсуждалось ли это событие на «приютинских посиделках», как это было принято. Прямых данных об этом как будто не сохранилось, но, может быть, сохранились хотя бы косвенные? Сообщая, например, о посещении этих «посиделок» Пушкиным, археолог А. А. Формозов замечает, что при написании поэмы «Руслан и Людмила» и других своих стихов поэт, по-видимому, получил квалифицированную помощь от Оленина в ознакомлении со старинным русским оружием и его правильными наименованиями. Если такие названия вооружения, полагает исследователь, как щит, меч, шлем — это «обычные слова из поэтического лексикона, то уже шпашак, броню, бердыш мог упомянуть лишь человек, несколько знакомый со средневековым доспехом и оружием» (*Формозов А. А.* Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 2000. С. 21). Но ведь именно о «шпашаке» пишет А. Н. Оленин в недавно мною обнаруженном и опубликованном письме к Д. И. Языкову от 9 января 1837 г. (см.: *Медведев И. П.* К истории создания первого русского перевода Льва Диакона // *ΑΝΤΙΔΩΡΟΝ: К 75-летию акад. РАН Г. Г. Литаврина*. СПб., 2003. С. 97), указывая, правда, что это «русское речение» встречается в сочинении Константина Порфирогенета «о чиновположении двора византийского» (т. е. в *De cerimoniis*), а не у Льва Диакона. Но вот описание Пушкиным в конце поэмы нашего детства на Киев печенегов, мне кажется, весьма напоминает по своей стилистике описание

Львом Диаконом многочисленных схваток ромеев (Д. П. Попов предпочитает переводить: «Римлян») с тавроскифами (упоминаются, впрочем, и печенеги, устроившие засаду войску Святослава и убившие его, см. гл. 9, § 12), да и сам мотив появления «чудесного воина на коне» (=воскресшего Руслана), который «как божий гром», «грозой несется. колет, рубит, в ревуший рог, летая, трубит», тоже встречается у Льва Диакона, например, в гл. 9, § 9, где перед «россами», терпящими поражение от ромеев-римлян, появляется «неский воин на белом коне», который, обратившись к войску и побуждая его «идти на врагов, чудесным образом рассекал и разстраивал их ряды». Наконец, эта sacramентальная финальная пушкинская фраза из «Бориса Годунова»: «Народ безмолвствует». Что это, находка гения или калька текста из гл. 6, § 4 Льва Диакона, где эта фраза также появляется, причем в совершенно аналогичном контексте: наблюдая «возню» вокруг константинопольского престола, сопровождавшуюся после убийства императора Никифора Фоки Иоанном Цимисхием мятежами и беспорядками, «народ, — говорит Лев Диакон (в переводе Д. П. Попова), — не понимаю каким образом, сохранял совершенный порядок и глубокое молчание»? Впрочем, не удивлюсь, если все это лишь плод моего воображения.

¹⁸ Хранится в архиве Олениных: ОР РНБ. Ф. 542. Д. 66. Судя по тому, что среди бумаг Оленина встречаются отрывки рукописи перевода Д. П. Попова (Там же. Д. 65), последний снабжал своего патрона материалами уже по ходу работы над переводом.

¹⁹ Там же. Д. 24. Л. 28–39.

²⁰ Там же. Д. 25. Л. 23–115.

²¹ Там же. Д. 29 (141 л.). В личном архиве А. Н. Оленина также хранится составленный им (на карточках) предметный указатель к греческому подлиннику и к русскому переводу Льва Диакона (Там же. Д. 30. Л. 1–65; на архивной обложке дела неверно указано, что это указатель только к русскому переводу).

²² Мне немного совестно, что в статье «К истории создания первого русского перевода Льва Диакона» я назвал автора этого труда «высокопоставленным ученым дилетантом», оговорившись, со ссылкой на О. Д. Голубеву, что А. Н. Оленина частенько обвиняли в научном

верхоглядстве (с. 95). Более внимательное ознакомление с текстом труда убедило меня в том, что мы имеем дело с вполне профессиональным серьезным исследованием, хотя и не завершённым.

²³ Вычеркивания автора, которых немало, не отмечаются. Листы указываются в тексте статьи.

²⁴ Здесь уместно привести полные выходные данные парижского издания: Leonis Diaconi Caloensis Historia, scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes, e Bibliotheca Regia nunc primum in lucem edidit, versione latina et notis illustravit Carolus Benedictus Hase. Parisiis, 1819. Интересно было бы узнать, каким образом заполучил Оленин экземпляр парижского издания. В списке лиц и учреждений, которым полагался экземпляр из присланных 50 (по поручению Н. П. Румянцева составлен акад. Ф. И. Кругом), А. Н. Оленин не фигурирует (упомянут Д. П. Попов). См.: *Медведев И. П.* Новые данные по истории первого издания Льва Диакона. С. 22. Правда, в письме к Румянцеву от 23 мая 1820 г. Газе обещал прислать еще 50 (там же, с. 21), но прислал ли и, если прислал, как они были распределены, сведений мы не имеем.

²⁵ Отметив, что «подлинный греческий текст в первый еще раз печатается ныне в Париже трудами почтенного г-на Газе, при ревностном пособии государственного канцлера графа Румянцева» (л. 17 об.), А. Н. Оленин использует для своих целей два списка славянорусского перевода хроники, сообщая о них ценные сведения. См.: *Медведев И. П.* Неизвестные страницы в ранней истории изучения славяно-русской версии Хроники Георгия Амартола (в печати).

²⁶ Речь идет о § 53 гл. XIX «Тактики» Льва Премудрого, где говорится о «маленьких стрелах, называемых мухами» (σαγίττας μικράς τας λεγομενας μυίας). Переведя это фразой «Quas sagittas musculos vocant», Меурсий тем самым превратил мух в мышей. «В сем переводе, — уточняет Оленин, — нельзя предположить и опечатки, т. е. musculos=мышонками вместо musculas=мушками, ибо в греческом тексте речение “муха”=μυία просто написано в положительном множественном числе τας μυίας, а не в уменьшительном от μυιδιον — τα μυιδια, и потому следовало сказать: quas muscas vocant» (л. 34).

²⁷ Имеется в виду, конечно, Спиридон Юрьевич Дестунис (1782—1848), о котором см.: Белоброва О. А. С. Ю. и Г. С. Дестунисы: Рукописное наследие // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 22–33.

²⁸ Использовано женеvское издание 1642 г.

²⁹ Текст перевода переписан почему-то даже дважды, причем с рисунками пером «сходки» двух кораблей и схемы их движений (л. 38 об.–40 об.). Мне было любопытно сравнить перевод Оленина и ныне находящийся в «обиходе» перевод С. С. Аверинцева (см.: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*. М., 1963. Т. 3. С. 175). Различия, скорее, в стиле, а не в содержании. Правда, аверинцевское «таранить корабль» Оленин предпочитает переводить словами «направить к удару», «окованный медью нос» — «медным бодилом», и т. д.

³⁰ Подробно излагая описание Константином Багрянородным днепровских порогов, Оленин интенсивно пользуется и известным трудом акад. А. Х. Лерберга («к великому для древности и истории российской сожалению, покойного», — замечает он, л. 49). Лерберг умер 23 июля 1813 г.

³¹ Анализируя этот источник, Оленин сообщает любопытные сведения о его изучении другими исследователями. «Член С.-Петербургской Императорской Академии наук г-н академик Френ (Ch. M. Frähn, 1782–1851), — говорит он, — первый, который сие любопытнейшее для нас место отыскал. В оном упоминается о некоторых обычаях рускаго (sic!) племени, как они были в X веке, по описанию очевидца. Г-н Френ издаст сию выписку с подробными к тому замечаниями. Честь и слава ученому, который свои знания и примернейший труд употребляет на приобретение новых и полезных сведений» (л. 51 об.). И в другом месте: «Отрывок сего писателя о русских времен Игоря, найденный до сужим и неутомимым г-м академиком Френом в географическом сочинении Якута, арабского писателя XIII в., издается ныне г-м Френом с переводом на немецкий язык и с большим количеством любопытных к тому примечаний. Знаменитый Н. М. Карамзин получил от г-на Френа список с первого его перевода сей статьи и воспользовался оною во втором издании „Истории Российского государства“» (л. 69).

³² У меня, правда, сразу же возникает подозрение: ошибка ли это Газе, а не очередная попытка ввести в заблуждение «господ петрополитанцев», еще раз подыграть, так сказать, их национально-патриотическим чувствам? Как-то не верится, что столь выдающийся ученый-филолог мог допустить столь «знаковую» ошибку. О его непростых отношениях с своим «спонсором» и «работодателем», каким был для него граф Н. П. Румянцев, см.: *Медведев И. П.* К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения. СПб., 2003. С. 160–172. Газе, впрочем, весьма рисковал здесь своей научной репутацией, и мне непонятно, как могли не обратить внимания на эту ошибку его переводчик Д. П. Попов и позднейшие исследователи (включая В. Г. Васильевского и Н. К. Панайотакиса). В новейшем русском переводе Льва Диакона ошибка Газе исправлена, естественно, без учета того, что это было сделано уже А. Н. Олениным в 1821 г. См.: *Лев Диакон. История* / Под ред. Г. Г. Литаврина. М., 1988. С. 57, 200 (примеч. 70).

³³ Думаю, что по крайней мере данный раздел труда А. Н. Оленина заслуживает скорейшего опубликования, чем мы и планируем в ближайшее время заняться.

³⁴ Ср.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 55–59.

³⁵ До сих пор точный состав и механизм выталкивания огня остаются невыясненными. Некоторые авторы предпочитают видеть в нем взрывчатую смесь, воспламеняющуюся от селитры, наиболее вероятным ингредиентом которой была сырая нефть, добывавшаяся на восточном побережье Азовского моря, в Тмутаракани, Зихии или же в скважинах восточной Армении и смешанная со смолой и серой; будучи разогретой, эта смесь выталкивалась насосом (сифоном) через бронзовую трубу (стептон); жидкость поджигалась, скорее всего, уже по выходе ее из трубы. См.: *McGeer E. M. Greek Fire* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York; Oxford, 1991. Vol. 2. P. 873 (с указанием литературы).

³⁶ Разумеется, идея о том, что «греческий огонь» — это не что иное, как огонь артиллерии

с использованием пороха и пушек, не могла не прийти на ум и историкам новейшего времени. Ее, например, отстаивали такие специалисты в истории артиллерии, как немецкий исследователь М. Дильс (*Diels M. Antike Technik. Leipzig: Berlin, 1914*), грек К. Зенгелис (*Zenghelis C. Le feu grégeois et les armes á feu des Byzantins // Byzantion. 1931. Т. 7. Р. 265–286*) и др. И хотя у них есть немало оппонентов (см., например: Κορρες Θ. 'Ο προβληματισμός γυρω από το υγρο πυρ των Βυζαντιών // *BYZANTIAKA. 1983. Φ. 3. Р. 123–134*), нам важно отметить, что

они имели и неизвестного им русского предшественника — А. Н. Оленина.

³⁷ Полностью письмо опубликовано в ст.: *Медведев И. П.* К истории создания первого русского перевода Льва Диакона. С. 96–98.

³⁸ Подробно об этом проекте см.: *Файнштейн М. Ш.* Из истории отечественной византистики: Забытый проект Российской Академии // *Рукописное наследие русских византистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 521–536.*

И. Г. Воробьева

ТРУДЫ СЛАВИСТА Н. А. ПОПОВА ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Во второй половине XIX — начале XX в. в русской исторической науке произошли качественные изменения, отмеченные современной отечественной историографией.¹ Однако, несмотря на продолжающееся активное введение в научный оборот архивных эпистолярных материалов, мемуаров и сочинений русской эмиграции, создание новых теоретических трудов, время глобального синтеза еще не пришло.² Одной из причин, полагаю, стала необоснованная специализация в истории исторической науки. Отдельно заседают русисты, слависты, медиевисты, новисты, византилисты и т. д. Давно не собирались всероссийские конференции по проблемам преподавания историографии в вузах, творческие сообщества внутри страны оказались изолированными. Судя по справочному аппарату, коллеги друг друга читают редко и имеют очень смутное понятие о делах в соседнем цехе. Так, к примеру, в освещении динамики исследовательских процессов в столичных университетах XIX — начала XX в. абсолютно не учитывается тот факт, что русские историки-слависты читали лекции и писали статьи и по славистике, и по русской истории, и по истории Византии.³ Историко-юридическое направление в русской историографии изучается вне трудов историков-славистов.⁴ Государственная школа представлена в новейших исследованиях лишь несколькими известными именами.⁵

Наша задача — выявить роль историков-славистов в развитии историографических знаний, в частности, обратить внимание отечественных ученых на вклад профессора Московского университета Н. А. Попова (1833–1891) в историю русской исторической науки.⁶

Нил Александрович Попов — ученик и коллега С. М. Соловьева. Его исторические исследования следует отнести к государственной школе в русской историографии (по терминологии XIX в. — историко-юридическая), так как он полностью разделял концепцию С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина и развивал ее на материале истории зарубежных славянских народов. Попов изучал историю чехов, поляков, сербов,